DOI: 10.15643/libartrus-2015.3.1

Вольтер – первый правозащитник Европы

© М. М. Утяшев

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

Email: marat_ut@rambler.ru

Статья освещает уникальную, даже для века Европейского просвещения, гуманистическую сущность и правозащитную деятельность великого Французского философа, писателя, поэта Франсуа Мари Аруэ Вольтера. Автор сконцентрировал свое внимание на новом аспекте деятельности известного мыслителя – бескорыстной и упорной защите жертв религиозной нетерпимости, обскурантизма, судебного произвола. Правозащитная деятельность Вольтера, по мысли автора, явилась результатом его политической и правовой социализации. Эта идея подтверждается ранними фактами жизни Вольтера: помощью жителям деревни Ферней; заступничество за крепостных крестьян от гнета церковников; стихами гуманиста против тирании и религиозной нетерпимости; против любого насилия и жестокости. Замечательные суждения Вольтера о естественном праве, законности, правосудии, достоинстве личности убедительно подтверждают гипотезу автора.

Ключевые слова: Гуманизм, Вольтер, веротерпимость, правосудие, право, свобода, права человека, свобода совести, мракобесие, религиозная нетерпимость, естественное право, Калас, Ла Барр, Баккария.

Надо иногда почитать Вольтера.
Запад, конечно, для нас не пример,
Впрочем, я не вижу лучшего примера.
Б. Окуджава.

О великом мыслителе и философе, писателе и поэте Франсуа Мари Аруэ Вольтере написано множество книг и статей, его произведениями зачитывается не одно поколение читающей публики, количество упоминаний его имени в научных трактах не поддается никакому подсчету. И если я осмеливаюсь тем не менее писать о нем статью, то только из-за непреодолимого желания осветить еще одну сторону деятельности этого гуманиста и мудреца, которая весьма востребована и актуальна во все времена и у всех народов. Но особенно в наше противоречивое время. О защите Вольтером жертв религиозных фанатиков тоже хорошо известно, но важно и то, как решительно и настойчиво этот потомственный аристократ превращался в смелого и бескомпромиссного защитника угнетенной личности совсем ему неизвестного и далекого. Впрочем, этим качеством отличаются и современные правозащитники, которым я посвящаю эту статью.

Вера Ивановна Засулич¹, автор биографической книги о Вольтере, приводит малоизвестный факт о практической сметке рафинированного аристократа. «...в своей практической

¹ Та самая Вера Ивановна Засулич, которая покушалась на жизнь петербургского градоначальника Трепова и судом присяжных была оправдана. А судьей был еще более известный и знаменитый А. Ф. Кони. После суда В. И. Засулич проживала в эмиграции. Была знакома с Марксом и Энгельсом, была верным марксистом и написала множество книг и статей. Умерла Вера Ивановна в 1919 года.

жизни он служил образцом того просвещенного благодетеля, которого горячо призывала современная ему литература. Доставляя работу, давая кредит, он быстро превратил голодную деревушку Ферней в многолюдное цветущее местечко, которое мы выставляем как образец для подражания не только со стороны материального, но и нравственного благосостояния. Всюду враждовавшие между собою католики и кальвинисты мирно уживались в его поместье, отлично зная, что добрый барин не потерпит на своей земле ни малейшего фанатизма» [8, с. 222].

Исходя из общего понимания законов общественного развития пример Вольтера один из несметного количества других, подтверждающих зависимость общественных отношений от разумного и просвещенного управления. После смерти Вольтера жители деревеньки Ферней быстро разорились, может быть подтверждая факт зависимости судьбы одного человека от поведения другого, а затем вновь впали в полуголодную спячку.

Известен случай, когда Вольтер вступился за крепостных крестьян, томившихся в неволе у монахов (церковников). Он ознакомил министров двора и просвещенную публику с печальным и тяжелым положением крестьян, закрепощенных в монастыре святой Клавдии, чем вызвал общественный резонанс и моральное осуждение происходящего [9, с. 167].

Известный русский историк и писатель Н. Кареев, сравнивая мотивы борьбы против католицизма у более ранних его противников – легистов и моралистов, гуманистов и реформаторов с теми мотивами, которыми руководствовались просветители XVIII века, и в особенности, Вольтер, писал: «Никогда ранее так ясно и определенно не ставилось в вину католицизму его нетерпимость (к инакомыслию) и никогда столь твердо и прочно не отстаивались права разума. Другое явление, против которого яростно восставал Вольтер, было крепостничество, «в коем Вольтер видел нарушение самых элементарных естественных прав, оскорбление человеческого достоинства и посягательство на индивидуальную свободу личности [9, с. 167].

Защита веротерпимости составляет значительную часть деятельности Вольтера. Религиозный фанатизм духовенства был главной мишенью философа и гуманиста, ибо веротерпимость, свобода совести и вероисповедания были для него естественными правами человека. Личная свобода, законность протестантских браков и детей, происходящих от таких браков, право наследования... и т.д. Преследования, коими протестанты уже целое столетие подвергались во Франции, делали необходимой эту борьбу, и если Вольтеру своей книгой «Опыт о терпимости» не удалось прекратить все гонения и добиться отмены строгих законов о протестантах, он по крайней мере показал к каким невыносимым бедам может привести религиозная непримиримость [9, с. 168].

Это была боевая натура, не сносившая никакой тирании, и удары, которые сыпались из под пера Вольтера на обскурантов и гонителей свободы, были весьма «ядовиты», остроумны и потому создавали множество врагов, ненавидевших его [9, с. 156].

Совсем еще молодой человек, ему еще не было и тридцати лет, писал:

«Да долго ли ж рабам тиранов дерзновенных
Так нагло попирает права сирот и вдов,
На прежних нивах их, в пустыню обращенных,
Чертоги возводить себе из облаков?
Доколь цементом для тех палат высоких
Должна служить кровь нищих, бедняков,
Загубленных рукой властителей жестоких?
На веки жребий их таков?» [10, с. 84].

Вольтер чувствовал бедственное положение простого народа, где знать лежит расслабленная, истощенная от сладострастия, молодые девушки превращаются в куртизанок, мужья извлекают барыш из позора своих жен, почетные награды достаются шпионам и холоумам, предатели везде подстерегают свои жертвы, все напоминает времена Нерона.

Отжившая мечта, боязнь перед теньями, –

Вон из сердца, коварный злой обман!

Гоните сон, сковавший вас цепями!

Народ, воспламенись, восстань, как ураган [10].

Проведенные в вынужденном изгнании в Англии два года окончательно сформировали свободолюбивого, бескомпромиссного, едкого и остроумного врага власти. Он напился воздухом правомерного государства [10, с. 84].

В своих статьях, в знаменитой Энциклопедии он вступался за бедных и гонимых, активно пользовался связями на благо нуждающихся. Он достиг небывалого могущества – теперь не он преклонялся перед сильными мира сего – они гордились знакомством и дружбой с ним. В оде к Женевскому озеру он писал:

«Но озеро мое – первейшее из всех;

На берегах его прекрасных и счастливых

Живет богиня, век честимая людьми,

Душа великих дел и доблестных стремлений,

Счастливящая тех, кому далось вполне

Предмет желания для жаждущих той доли,

У всех она в сердцах, у всех на языке,

И даже при дворе тиранов беспощадных

Взывает тайно к ней, моляся ей в тиши; –

Богини имя той – Свобода! [10, с. 88]»

В одном из первых сатирических памфлетов Вольтер высказал ненависть к деспотизму в таких словах: «Народ! Пусть разгорается твое пламя. Подобно пророку, я пробил уже стену беззакония; летите же, разрушайте несправедливость, завладевайте желанной свободой [11, с. 109]».

В биографическом очерке секретарь Вольтера Ваньер упоминает наиболее ранние чело­веколюбивые черты философа и приводит такой пример. Вольтер, очень ценивший уединение и покой, купил заброшенное поместье Жекс, представлявшее собой «пустыню». Поля стояли не возделанными, земля заболачивалась, распространяя заразные заболевания, крестьяне нищенствовали. Господин Вольтер – пишет его секретарь в письме к епископу города Аннеси, окончил тяжбу мучившую их, заплатив собственные деньги за освобождение своих бедных вассалов от угнетавшего их положения, и несчастная местность вскоре совершенно изменила свой вид.

Далее лично и близко знавший Вольтера человек пишет: «Все знают как он ценил свободу, до какой степени всякое притеснение было ему ненавистно, и какое омерзение внушали ему всегда те лицемерные подлецы, которые осмеливались подвергать, во имя Божие, самым ужасным мучениям тех, кто смеет мыслить иначе, чем они. Он всегда проповедовал веротерпимость как протестантской, так и католической церкви. Он утверждал, что это единственный способ сделать жизнь сносной и что он умер бы счастливым если бы мог утвердить эти принципы в Европе [4, с. 100–101]».

В комментарии к биографическому очерку упоминается еще один факт, как благодаря заступничеству Вольтера шести несовершеннолетним дворянам были возвращены отцовские поместья, которые иезуиты скупили за бесценок! Шесть братьев Депре де Красси, принадлежащие к старинному дворянскому роду, состояли на королевской службе. Иезуиты решили прибрать эти земли пользуясь тем, что братья не могли оплатить платежи, чтобы вступить во владение имуществом своих предков. Узнав об их тяжелом положении Вольтер внес необходимую сумму, которую семейство Красси должно было уплатить кредиторам, чтобы вернуть себе принадлежащие им права [4, с. 106].

«Времена общественной жестокости, которая считалась обыденным делом, были вместе с тем и временами умственного гнета. В такие времена каждый в отдельности слабо сознает свою обязанность по отношению к ближнему, как и все вместе не осознают свой долг по отношению к разуму и социальным чувствам. Времена, когда такова была всеобщая идея о правах человека, были вместе с тем временами, когда человеческая жизнь стоила очень дешево, и скудная чаша человеческого счастья проливалась без всякого сожаления [12, с. 13]». Так писал один из самых первых и хорошо информированных биографов Вольтера Джон Морлей.

Любое насилие над личностью или жестокость, всякое беззаконие или несправедливость являлись для Вольтера не покушением на частную жизнь, а оскорблением всего человечества, вызывающим законное негодование. Он был проницательным и глубоким мыслителем, чтобы видеть самые распространенные и пагубные враги человечества: невежество, мракобесие, нетерпимость к иному мнению и т.д., сводимые в конечном счете к отказу от ценности человеческой личности, веры в его разум и способность руководствоваться жизненной мудростью.

Связь между двумя идеями: идеей неуважения прав человека и идеей неуважения к человеческому разуму – важнейшему отличительному признаку человеческой природы, для Вольтера представлялась неразрывной.

Однако было и есть много людей, которые смотрели на права человека, если и без всякого презрения, то вместе с тем и без всякого сердечного участия. Для Вольтера слова: разум и человечество – составляли одно и то же понятие, а любовь к истине и страсть к правосудию – вызывали одно и то же чувство.

Один из первых биографов Вольтера Джон Морлей писал: «Никто из знаменитых людей, боровшихся за свое право свободно мыслить и открыто выражать свои мысли не видел яснее Вольтера, что основной целью такой борьбы было желание дать возможность другим жить счастливо. Кто не был тронут его удивительными словами, относительно трех лет беспрестанной работы ради правосудия, делу вдовы и потомков Каласа: «В течение этого времени, – сказал он, – я ни разу не улыбнулся, не упрекнув себя в том, как в преступлении» [12, с. 18].

Трудно удержаться и не процитировать великих, знавших Вольтера не понаслышке. Так, Фридрих Великий писал к нему с невольным удивлением: «Чту в Вас прекраснейший гений всех веков. Вы очаровательны в беседе, вы умеете вместе и распотешить и научить. Вы самое непреодолимое из всех известных мне существ, каждый любит вас поневоле, как скоро Вы того захотите. Короче, Вы были бы совершенны, не будь Вы только человек». По словам самого Вольтера, Фридрих называл его «божественным мужем» [4].

Семидесяти семилетнего старца этот вояка и поэт чувствует следующими стихами:

«Каким огнем, каким очарованием владеешь ты в такой поре!

Твой вечер поздний не уступит блестящей утренней заре.

Когда нам старость леденит ток жизни вялый, замедленный

Веселья, грации уж нет, и ум наш дремлет, утомленный;
А ты все тот же, так же звонко твой голос слышится сердцам,
Ты сердцем молод как нарочно, на зло, наперекор глупцам».

Не будучи юристом Вольтер внес вклад и в теорию права. Он неоднократно подчеркивал свою приверженность естественному праву. В бытность свою в Англии Вольтер общался не только с вольнодумцами, но и с государственными чиновниками и вынес оттуда убеждение, что задача времени есть признание естественного права и осуществления его на практике. Свобода каждого и равенство всех казались ему единственным сообразным с природой делом. Быть свободным означало для Вольтера зависимость от закона. Он идеализировал абсолютную власть короля, при которой «руки его развязаны на всякое добро, и связаны на зло, чтобы народ через своих представителей участвовал в правлении, без всяких однако смут и замешательств» [10, с. 94].

Лиссабонское землетрясение во многом поразило Вольтера. В его философских думах сформулировался вопрос о теодицее – соотношении добра и зла, в том числе религиозный аспект проблемы. На вопрос, как согласуются идея всемогущего и всеведущего Бога с существованием в мире зла Вольтер отвечает, что мы не имеем иного понятия о добре и зле, о справедливом и несправедливом, кроме того, которое составили себе о действиях полезных или вредных для общества и сообразных и несообразных с теми законами, которые сами же и установили. Эти правила отношений между людьми совершенно не относимы к понятию о Боге. Говорить, что Бог несправедлив, потому что пауки едят мух, а люди живут только до 80 лет, совершенно бессмысленно. В «Тракте о метафизике» Вольтера развивает мысль об относительности понятий о добре и зле. Для существования любого общества необходимы законы, – говорит философ. Ибо даже в таком простом деле, как игра, нужны какие-то установленные правила. Существующие законы чрезвычайно разнообразны... Но все народы согласны в одном: называть добродетелью дозволенное их законами и пороком – запрещенное. Добродетель есть привычка делать то, что нравится окружающим людям; порок же это привычка делать то, что не нравится им. Вольтер утверждает, что мораль у всех людей одна, а потому аксиомой поведения должно стать правило: не делать другим то, чего ты не желаешь, чтобы делали тебе [4, с. 162].

Учение Вольтера о веротерпимости настолько глубоко, убедительно и по научному достоверно, что одну его доктрину о свободе совести и вероисповедании и о свободе мысли и убеждений можно считать добротным вкладом в теорию прав человека. «Тракт о веротерпимости» начинается с уверения, что в Европе «не найдется ни одного просвещенного человека, который не считал бы веротерпимость долгом правосудия, долгом, который предписывает человечность, совесть, религия; законом, необходимым для сохранения мира и процветания государства».

Каждый законодатель, исповедующий какую-либо религию и признающий свободу совести, должен быть веротерпим: он должен сознавать, как несправедливо и как жестоко принуждать человека выбирать между казнью и действиями, которые не являются преступными. И он формулирует несколько риторических вопросов. Неужели же законодатель будет настолько твердо убежден в своем веровании, чтобы считать врагами Бога тех, кто думает иначе, нежели он? Будет ли он рассматривать свое убеждение как юридическое доказательство, дающее ему право на жизнь или на свободу людей, думающих иначе, нежели он? Неужели он не будет сознавать, что те, кто исповедует иное учение, имеют по отношению к нему такое же законное право, как и то, которым он вооружился против них? [4, с. 138–140].

Вольтер изящно доказывает, что нетерпимым может быть только религиозный человек. Атеист или агностик всегда толерантен и терпим, ибо для него не существует предмета спора.

Если же рассматривать взаимосвязь правосудия и охраны прав человека, то будет можно убедиться, что свобода мысли и убеждений, свобода исповедовать их публично и сообразовывать с ними свое поведение во всем, что не наносит ущерб правам другого человека, есть столь же реальное право, как и право личной свободы и собственности. Таким образом, всякое ограничение в пользовании этим правом противоречит справедливости и всякий закон против веротерпимости есть закон несправедливый.

Общее благо человечества, – по мысли Вольтера, – составляющее главное стремление всех добродетельных сердец, требует свободы убеждений, совести, культа прежде всего потому, что эти свободы представляют собой единственное средство установить между людьми истинное братство... Эти свободы есть также и самое верное средство дать умам возможность проявить свойственную человеческой природе деятельность, познать истину – высшее благо всех людей.

Веротерпимость не может производить никаких смут и отнимает всякий предлог к волнениям. Веротерпимость способствует устойчивости власти, а реальное единство и сила, богатство, счастье страны зависят от мира, царствующего внутри государства. И не подавлением достигается мир и согласие в государстве, а реализацией естественных прав и свобод человека и гражданина.

Религии же хватает лишь на то, чтобы злобствовать, обижаться и преследовать инакомыслящих, но ее не хватает на то, чтобы любить и помогать людям. Эти черты остаются лозунгами и призывами.

Вольтер исповедовал концепцию естественного права. Он писал, что человеческое право не может быть основано ни на чем ином, как на естественном праве, а всемирное великое начало заключается в следующем: не делай другому того, что ты не желаешь, чтобы делали тебе [4, с. 162].

Мы не понимаем, – продолжает философ, – как, следуя этому принципу, один человек может сказать другому: «Верь в то, во что верю я, и во что ты не можешь верить – иначе умрешь». Кое-где говорят: «Верь или я тебя возненавижу; верь или я буду делать тебе всякое зло, какое только могу; чудовище, ты не исповедуешь мою религию, значит у тебя нет религии; ты должен быть ненавистен твоим соседям, твоему городу, твоему государству».

Если бы человеческое право допускало подобный образ действий, «то наступила бы всеобщая вражда и хаос. Так у христиан, которые давно уже грызут друг друга». Следовательно, право нетерпимости – нелепо и жестоко: это право тигров и даже хуже того: тигры раздирают жертву, чтобы насытиться, а мы истребляем друг друга из-за религиозной нетерпимости.

Как поучительный пример уважительного отношения к личности Вольтер приводит случай из истории римского правосудия. Апостола Павла схватили религиозные фанатики и для расправы с инакомыслящим повели его к суду Феста, требуя его смерти. Фест отвечал им аксиоматическим положением римского права: «У римлян нет обычая казнить человека раньше, чем обвиняемый не будет поставлен лицом к лицу с обвинителями и не получит возможности защищать себя».

С большим пониманием религиозной проблематикой Вольтер описывает все аспекты свободы совести и вероисповедания с точки зрения прав человека и подчеркивает пагубность фетишизации своих верований. Ведущих и к крайней нетерпимости, раздору и хаосу. «Говоря

чистосердечно, – пишет он, – разве потому, что наша религия божественна, она должна господствовать при помощи ненависти, неистовства, изгнания, конфискации имущества, тюрем, пыток, убийств и благодарений Богу за совершение этих убийств. Чем выше христианская вера, – говорит Вольтер, тем менее человек должен навязывать ее: если Бог ее создал, то Бог и поддержит ее без вашей помощи... нетерпимость порождает лишь лицемеров или бунтовщиков, – эти ужасные крайности. Наконец, неужели вы хотите при помощи палачей поддерживать религию Бога, которого убили палачи и который проповедовал не вражду, а лишь терпение и кротость? Взгляните только на ужасные последствия религиозной нетерпимости!» [4, с. 184–185].

Как ученый Вольтер часто использует сравнительный метод познания. Так, в Англии, – говорит он, – духовенство не связывало религиозные идеи и свободу речи, а потому те, которые ратовали за такую свободу, не имели никакой надобности нападать на церковь, не отрицавшую их права.

Во Франции же церковь держалась репрессивной политики, иногда жестокой и кровавой, иногда же мелочно придирчивой, но всегда непреклонной и высматривающей свою добычу с зоркостью рыси [4, с. 200–201].

«Теперь, – писал Вольтер в 1768 г., – в умах людей совершился тот переворот, которого уже невозможно уничтожить. Приверженцы католицизма могли бы помешать этой революции, если бы они были достаточно благоразумны и умеренны. Распри янсенистов, иезуитов и молинистов принесли больший ущерб христианской религии, чем тот, какой принесли бы четыре императора Юлина, непосредственно следовавшие друг за другом» [4, с. 202].

Но такие повороты в умах непросвещенной массы не происходят сами по себе. Даже наоборот. Невежество и фанатизм, жестокость и страсть к «охоте на ведьм» вполне могут возрасти. Чтобы произошел массовый поворот от дикости и варварства, кто-то должен не убояться быть растерзанным фанатичной толпой, как нередко бывало в истории, но иметь ум и волю постоянно и последовательно разоблачать нетерпимость и фанатизм, «перековывать» остальные умы и жестокие сердца.

О такой роли Вольтера писал его первый биограф и замечательный ученый Кондорсе. Во всей Европе основал он союз, душою которого был. Паролем союза были: разум и терпимость! Где бы не совершалась несправедливость, откуда не появлялся бы слух о кровавом гонении или обиде человеческому достоинству, Вольтер тотчас выставлял виновников к позорному столбу. И как часто рука притеснителей останавливалась перед этой верной отметкой. Своей деятельностью Вольтер способствовал умственному развитию, а значит и благосостоянию народа, но так же нравственному политическому и правовому просвещению граждан [10, с. 90].

Более того, Вольтер активно переписывался с европейскими монархами, учеными, влиятельными лицами, в том числе духовными пастырями.

Одним из таких примеров могут служить его слова, написанные Екатерине II по поводу просвещенного деспотизма: «Когда державец глуп, – тупеет и народ» [10].

Когда Густав III сломил силу шведского дворянства, Вольтер одобрил этот шаг монарха, говоря, что народ охотно пойдет за ним на все доброе... Король отвечал ученому-философу: «Молю каждый божий день Всевышнего, да продлит он ваши драгоценные дни ко благу человечества к водворению царства разума на Земле» [10, с. 91].

Согласитесь, дорогой читатель, мольба монарха о благополучии человека – дорогого стоит. Факт этот не только редкий, но и примечательный.

Во времена Вольтера не употреблялись выражения правозащитник, но согласитесь, почти вся описанная нами деятельность Вольтера относится к правозащитной.

Человеколюбие, добровольное и бескорыстное участие в судьбе незнакомых людей не очень распространенное качество. Тем более человеколюбие активное, деятельное, живое, неутомимое и доводящее свою деятельность до победы. Таковой было человеколюбие Вольтера.

Вольтера окружает ореол духовного вождя своей эпохи, предтечи и покровителя энциклопедизма, принесшего столько пользы человечеству, высшего заступника за идеалы гуманности, разума и добра. Значение его подвига не в творческой силе, не в открытии новых путей или провозглашении новых истин, но в изумительной популяризации и упрочении того, о чем люди должны бы знать, и чем они беспечно забывают до сих пор. Современные политики, правоведы и правозащитники могут найти у Вольтера поддержку своих позиций о государях, государствах, религии, наконец о правах человека и народа [5].

Вольтер яростно выступает против таких оптимистов, которые считают, что все в этом мире хорошо, разумно и это лучший из миров. Весь пафос романа «Кандид или Оптимизм» посвящен разгадке существующего феномена: как можно утверждать, что все в мире устроено наилучшим образом, когда мы на каждом шагу встречаем массу физического и психологического насилия, войны, болезни, инквизицию, рабство и торговлю людьми и другие напасти. Со свойственным ему остроумием Вольтер задается риторическим вопросом: «Если таков лучший из миров, то каковы же остальные?» [3, с. 101]. И вообще вся история человечества, в глазах Вольтера, лишь «ряд преступлений, глупостей и несчастий; примеры добродетели и периоды счастья попадаются столь же редко, как поселки в пустынной местности» [3, с. 105–106]. Но более всего Вольтера потрясло Лиссабонское землетрясение. Как Творец мог позволить уничтожить такое количество ни в чем неповинных людей. Поэтому оптимизм, по мысли Вольтера, совершенно неуместен, ибо он, будучи необоснованным, уводит людей от решения насущных задач, уводит в мир грез и несбыточных желаний, в пессимизм и апатию.

Сам он всегда был активным и деятельным. Кроме реформ суда и судебного законодательства, Вольтер требовал еще реформ администрации и всего государственного устройства. Впечатления, вынесенные им из Англии в юношеском возрасте, сохранились у него на всю жизнь. Он желал свободы, а быть свободным для него значило зависеть только от законов. Все люди равны как человеческие существа, но не как члены общества. Лучшее законодательство то, при котором люди всех сословий равны перед законом. В «Опыте о нравах» он говорит даже, что не стоит жить в стране, где такого равенства перед законом не существует [3, с. 111].

Каждый человек, говорит Вольтер, имеет естественное право свободно располагать своей личностью, семьей и имуществом. Вообще, законодательство есть искусство делать народы счастливыми и защищать их. Законы, противоречащие этому условию, не соответствуют своей цели и поэтому должны быть отменены [3, с. 112].

Этот пассаж Вольтера достоин лучших достижений юридической мысли до настоящего времени.

Книга гуманиста и просветителя Чезаре Беккариа, о преступлениях и наказаниях имела огромный резонанс в Европе. Некоторые монархи восприняли идеи книги как руководство к действию.

Не хотела отставать от просвещенных коллег и Екатерина II. В духе Беккариа она составила «Наказ» и создала Комиссию по составлению нового кодекса вместо Соборного уложения

1649 года. По моде того времени новый Кодекс должен был быть своего рода «общественным договором» в духе Локка или Монтескье.

О самом тексте «Наказа» лучше всего говорит сама Екатерина II в письме тоже к просвещенному монарху Фридриху II: «Ваше величество не найдет там ничего нового, ничего не известного для себя... Во всем труде мне принадлежит лишь распределение предметов по статьям и в разных местах – то строчка, то слово...» [7, с. 48].

Но поскольку это была компиляция прекрасного тракта Чезаре Беккариа, то содержала весьма прогрессивные и гуманные идеи уголовного права и процесса.

Впрочем, весь запал «Наказа» быстро пропал в громоздкой государственной машине России. Через год бесплодных заседаний Комиссия была упразднена и все вернулось в прежнее состояние.

В этом процессе Вольтер, открыто и излишне восхищавшийся Екатериной II, и его друзья энциклопедисты, оказались по разные стороны.

Дидро о «Наказе» и всей этой затее прозорливо высказался так: «Если предположить, что сами размеры России требуют деспота (а в «Наказе» четко говорилось о самодержавной форме правления), то Россия обречена быть управляемой дурно. Если по особому благоволению природы в России будут царствовать подряд три хороших деспота, то и это будет для нее великим несчастьем» [7, с. 49].

Вольтер и Дидро, конечно, были единомышленниками. Но Вольтер давно «увяз» в непомерном восхвалении Екатерины II, а Дидро оставался открыто противником абсолютной монархии и не считал возможным лицемерить в этом принципиальном вопросе.

Вольтер серьезен когда говорит о бедствиях народа:

«Дочь смерти, беспощадная война,
Разбой, который мы зовем геройством,
Благодаря твоим ужасным свойствам
Земля в слезах, в крови, разорена».

Произвол и жестокость вот две черты, характеризующие тогдашнее уголовное законодательство. Наказания должны быть соразмерны содеянному. Энциклопедисты восстают не только против слишком жестоких наказаний, но и против войн, которые должны быть реже и гуманнее. Воевать надо, говорят они, только для того, чтобы установить прочный мир и только тогда, когда необходимость заставляет взяться за оружие. Но даже и тогда не все дозволено солдату: при громе оружия смолкают гражданские законы, но не смолкают вечные законы гуманности. В другом месте, говоря о законах войны, энциклопедия прибавляет: закон природы неизбежно ставит предел этому праву.

Природа требует того, чтобы люди взвесили, соответствует ли то или другое враждебное действие против врага чувству гуманности и даже великодушия. Мы встретим эти же слова у Вольтера, в его «Трактате о преступлениях и карах».

«Расследование преступления требует суровости. Это война, которую человеческое правосудие объявляет злобе. Но на войне возможно великодушие и сострадание. Храбрый человек сострадателен, неужели законник должен быть варваром?» [11, с. 96].

Вольтер говорит совсем непонятные для предыдущего века слова: «Надо щадить человеческую кровь». Он же говорил, что «наш кодекс составлен палачом» [11].

Итак, если виновных не пытаются более, если обвиняемый имеет защитника и его дело разбирается при открытых дверях, если, наконец, наш кодекс не кажется «составленным палачом»,

как говорил Вольтер, то это нельзя приписывать ни просто общему улучшению нравов, ни революционному законодательству, или новому уголовному кодексу. Этим мы обязаны тем писателям, которые своими работами сделали это улучшение возможным, а этот кодекс неизбежным. Прежде всего Монтескье и энциклопедистам и самому великому среди них – Вольтеру.

Чтобы завершить общефилософскую и юридическую научную характеристику нашего героя, я вынужден остановиться еще на одной спорной стороне его жизни.

Широко известно, что католическое духовенство возненавидело философа, но совсем не за атеизм или безбожие, как принято считать, а за его яростную критику религиозной нетерпимости на самом деле.

Вольтер основательно изучил Библию и христианскую литературу своего времени и потому его критика религии вообще и христианской, в частности, была основана на осмыслении источников и базировалась на полемике с религиозными деятелями. Католические священники ненавидели его и выставляли как атеиста. В конце концов вершиной церковной «нравственности и гуманизма» стал запрет на традиционное захоронение усопшего. Не довольствуясь его устным заявлением на смертном одре, от него потребовали формального признания догматов церкви и начали допрос. «Оставьте меня умереть спокойно» – отвечал больной и умер, не получив отпущения.

Совершенно несправедливо относить деиста Вольтера и к атеистам, ибо это заключение основано на заблуждении. Человек широкого кругозора, философ, поэт-острослов, он был человеком своего времени. Европа дождалась наступления эпохи гуманизма – блестящего времени, когда центром всего сущего становится человек. В европейских странах расцветает просвещение, возрождаются науки, образование, культура, сжимая и тесня религиозные пути, сдерживавшие научный прогресс, передовые идеи государственного и социального развития общества. Гуманисты говорят о необходимости отделения церкви от государства, о независимости и суверенном положении государственной власти, об отмене пыток и жестоких наказаний, о возрождении права, о свободе вероисповедания, мысли, убеждении и т.д.

А в ряде государств колесуют и сжигают на кострах не только книги, но и людей. Вольтер, будучи гуманистом не может смириться с жестокостями, которые не вызваны никакими рациональными соображениями. Вольтер, как мыслитель и ученый подвергает анализу те соображения, которые в свое оправдание выдвигают сторонники отживших догм, и ужасается. Дух нетерпимости, жестокости, преследования инакомыслящих, средневековые зверства в его стране покоились совсем не на здравом смысле, а только на химерических представлениях духовенства, задурманенных и зарожденных в умах доверчивых простолюдинов.

И его резкий, категоричный призыв «раздавить гадину» относился к церкви, погрязшей в грехе, но отнюдь не к Богу.

Если бы это было не так, то не могло появиться его блестящее эссе: «Все в Боге». Если бы это было не так, могло ли появиться крылатое выражение Вольтера: «Если бы Бога не было, то его следовало бы выдумать!».

Человеколюбие Вольтера, его сострадательное сердце гармонично вписывалось в ритм эпохи Просвещения и Гуманизма, где человек становится целью, а не средством, где высшей ценностью почитается человеческая личность, с его интересами, заботами, правами и свободами.

С этой позиции до добровольной правозащитной деятельности оставался только один шаг и Вольтер делает его. Именно душевный порыв, сострадание чужой беде подвигнут Вольтера

тера заняться проблемами других людей. Этим замечательным качеством обладают правозащитники всех времен, ибо не получая никаких выгод, они все свои душевные качества, досуги, а порой и средства отдают на благо страждущих и униженных.

Правозащитная деятельность Вольтера многократно описана в большей или меньшей степени подробности. Поэтому фабула этих процессов здесь будет изложена в версии наиболее почтенных биографов великого гуманиста.

В окончательном, уже не оспариваемом никем варианте, с небольшими подробностями первый многократно описанный процесс развивался следующим образом:

9 марта 1762 года в Тулузе по приговору парламента был колесован² старый гугенот Жан Калас, обвиненный в убийстве родного сына с целью помешать его переходу в католичество.

Тулуза была родиной альбигойцев³, после безжалостного и жестокого искоренения этой секты, превращенная в место самого мрачного католического фанатизма. Там и проживало купеческое, по занятиям, а кальвинистское – по религиозным воззрениям, семейство Каласов. Младший сын купца перешел в католичество, а старший остававшийся в вере отца, однажды был обнаружен повешенным. Служанка-католичка «попробовала догадаться», что старик-отец, не очень ладивший с сыном, мог повесить своего сына, чтобы тот не перешел в католичество. Слух этот распространился со скоростью пожара в ветреный день.

«Дознание было произведено в высшей степени поверхностно, причем, конечно, не обошлось без пыток; судья и бургомистр, были под влиянием религиозного фанатизма толпы. Калас был казнен мучительной смертью, до последней минуты продолжая отрицать свою виновность» [3, с. 107].

Отмечу, немаловажную деталь чисто юридического свойства – весь этот ужас религиозного мракобесия творился светской властью и так называемым правосудием в угоду все подчинившей себе церковной власти.

Уже первые известия об этом деле произвели сильное впечатление на Вольтера. Совершенно страшное преступление,— пишет он одному знакомому,— только кем? Отцом-гугенотом или восемью судьями, колесовавшими невинного?" Он настойчиво требует от своих корреспондентов самых обстоятельных сведений об этом деле; знакомится с бежавшими в Женеву остатками семьи Каласа и вскоре пишет друзьям, что преступление совершено именно судьями и что он так же убежден в невинности Каласов, как в своем собственном существовании. По собранным им сведениям, самоубийство сына ясно, как день. Во всем деле нет ни малейших оснований не только для обвинения,— даже для простого подозрения в убийстве. Но достаточно было кому-то в толпе, собравшейся посмотреть на снятое с петли тело самоубийцы, высказать предположение, что старик сам повесил сына, и это предположение повторяется толпой, приобретает среди враждебно настроенного католического населения достоверность факта и действует на судей.

Убедившись в невинности Каласов, Вольтер взял на себя их защиту и не знал ни минуты покоя, пока не добился их оправдания. Прежде всего он пытается заставить судей опубликовать те факты, на которых основан их приговор.

² Колесование – бесчеловечный по жестокости способ наказания, применяемый для устрашения носителей нежелательных идей и противников, в основном, религиозных догм.

³ Альбигойцы – участники еретического движения на юге Франции, продолжатели идеи катаров – непримиримые противники папства.

«Они говорят, что это не в обычае. А! Чудовища! Так мы же добьемся того, что это делается обычаем», — пишет он д'Аржанталю. «Калас колесован, — этого не изменишь; но можно опозорить его судей, чего я им и желаю».

Он пишет и публикует статью в защиту Каласов; приискивает им адвокатов и руководит этими адвокатами; старается заинтересовать их делом министра, фаворитку, всех своих высокопоставленных знакомых. Он помогает материально несчастной семье и побуждает помогать других.

Парламенты отнеслись вначале очень презрительно к поднятому Вольтером шуму. «Один советник парламента сказал на днях адвокату Каласов, — пишет в январе 1763 года д'Аламбер Вольтеру, — что его прошение не будет принято, потому что во Франции судей больше, чем Каласов. Вот они каковы, отцы отечества!» Но почтенные отцы отечества жестоко ошиблись в своих расчетах. Каласов, то есть людей, им сочувствовавших и возмущавшихся приговором, было уже больше, чем парламентских советников. Скоро благодаря усилиям Вольтера вся Франция, вся читающая Европа превратилась в приверженцев Каласов. Понадобилось, однако, целых три года, чтобы добиться пересмотра процесса.

Наконец, он добился своего! И правосудия! По поручению короля Парижский Высший Суд отменил приговор Тулузского парламента и объявил Каласа и его семью невиновными. Король также покрыл убытки и вред нанесенный этому семейству, выплатил им 36 тысяч ливров «справедливой компенсации». Теперь д'Аламбер получил полное право писать Вольтеру: «Каласы обязаны вам тем, что они так блистательно выиграли этот процесс. Вы один подняли ради них на ноги всю Францию и всю Европу» [3, с. 108].

Сам же Вольтер скромно уведомляет своего друга д'Аржантала по поводу оправдания Каласов, что «эту победу одержала философия» [8, с. 226].

Тем временем у фернейского патриарха были уже на руках материалы других процессов. Еще агитация по делу Каласов была только что начата, когда аналогичное дело привело под защиту Вольтера семью Сирвенов, заочно приговоренных к смерти за убийство своей, похищенной у них, сведенной в монастыре с ума и утопившейся в припадке безумия, дочери. После восьмилетних неутомимых усилий Вольтер добился пересмотра и отмены приговора также и по этому делу.

Рядом с громкими победами посредством агитации неутомимому патриарху нередко удавалось также освобождать втихомолку, при помощи личных связей с влиятельными лицами, гугенотских проповедников, отправляемых на галеры в силу исключительных законов, под которыми жили французские кальвинисты со времени отмены Нантского эдикта.

И не одних гугенотов защищал Вольтер; «судьба», или, вернее, слава, приобретенная им в качестве защитника Каласа, сделала Вольтера, как он сам говорит в «Мемуарах», «адвокатом всех проигранных дел». Ферней превратился в особого рода трибунал, где пересматривались все сомнительные смертные приговоры. Вследствие тайны тогдашнего судопроизводства дела доходили до Вольтера в большинстве случаев уже после совершения казней, и ему удавалось спасать лишь память казненных, их семьи и второстепенных обвиненных. Но на процессе супругов Монтабелли, обвиненных в убийстве матери, «на таких основаниях, — говорит Вольтер, — которые показались бы смешными даже судьям Каласов», ему удалось спасти от кота жену Монтабелли, сожжение которой было отложено до разрешения ее от беременности.

Но в самом ужасном из процессов того времени Вольтеру не удалось при жизни одержать победу. На этот раз со стороны судей не было ошибки, хотя бы и вызванной религиозными

предубеждениями, а было сознательное злодейство янсенистов, стремившихся доказать, что с изгнанием их врагов-иезуитов религия защищается лучше прежнего. В августе 1765 года в Аббевиле было поцарапано ножом стоявшее на мосту деревянное распятие. Молва указала на двух юношей, Ла Барра и Эталонда, одного шестнадцати, другого семнадцати лет, обративших на себя внимание публики тем, что однажды не стали на колени, когда мимо них проходила церковная процессия. Началось следствие. Эталонд успел бежать. Ла Барр был арестован. Павшее на них подозрение относительно порчи распятия не подтвердилось на следствии, но было доказано, что юноши непочтительно отзывались о церкви и духовенстве, знали наизусть отрывки из «Пюсель» и раскланивались – «шутя», как показал на допросе Ла Барр, – перед столом, на котором были разложены преследуемые книги, в том числе «Философский словарь» Вольтера. Этих-то детских «преступлений» было достаточно в глазах судей, чтобы приговорить Ла Барра, во-первых, к пытке с целью получения указаний на виновников порчи распятия, затем – к “казни отцеубийц”: сожжению живым после предварительного отрезания языка. К тому же приговорен был заочно и Эталонд. Мужественно вынес Ла Барр ужасные пытки, никого не назвав. Казнь над ним была совершена лишь с тем смягчением, что тело было брошено в огонь после обезглавливания. Вся читающая Европа содрогнулась от ужаса и негодования при известии об этой казни. У несчастного мальчика были бесчисленные сообщники. Среди французского дворянства, к которому принадлежал он, почти не было невиновных в тех преступлениях, за которые он погиб. Юноша только подражал окружающим.

«Я стыжусь принадлежать к этой нации обезьян, так часто превращающихся в тигров, – пишет Вольтер Д’Аламберу при известии о казни. Нет, теперь не время шутить, остроумие неуместно на бойне... И нация позволяет это!.. Парижане поговорят немного и идут в комическую оперу... Я плачу о детях, у которых вырывают языки. Я – больной старик, мне это простительно». Друзья советуют Вольтеру не вмешиваться в это дело. Его «Словарь» брошен в костер вместе с телом казненного. В парламентских сферах поговаривают, что он виновнее Ла Барра, что его-то сочинения и развращают Францию. Вольтер и сам был испуган вначале и подумывал о переселении во владения Фридриха II; но это не помешало ему проявить самую нежную заботливость об Эталонде и знакомить Европу, путем публикации в печати, со всеми отвратительными подробностями процесса и казни в Аббевиле. В 70-х годах Вольтер делал попытки добиться пересмотра дела, но безуспешно. Лишь при республике был отменен этот ужасный приговор.

С активной гражданской позиции по поводу существовавшего мракобесия и равнодушия Вольтер пишет Д’Аламберу: «Варварство становится все нахальнее благодаря нашему молчанию, а завтра начнут душить и резать кого угодно на законном основании, ради собственного удовольствия. Калас подвергнут колесованию; Сирвен приговорен к повешению; одному генерал-лейтенанту забит кляп в рот; немного спустя пять юношей приговорены к костру за безрассудные выходки, заслуживающие самое большое – заключения в доме Святого Лазаря! Это ли родина философии и веселья? Нет, – это страна кровавой Варфоломеевской резни!» [4, с. 213].

Принимаясь хлопотать за тех или других жертв неправосудия, Вольтер, с одной стороны, всей душой возмущался именно данной несправедливостью и сочувствовал данным лицам, но в то же время он имел в виду и общее положение дел. Борьба с отдельными парламентами за отдельные жертвы, которых он старался вырывать из их рук, сама собою превратилась у него в более общую борьбу за реформу судопроизводства. Пытки – ординарные и экстраординарные

ные – были тогда еще в полной силе при следствии. Приговоры не мотивировались. Судопроизводство было тайное. Должности судей продавались. В различных провинциях действовали различные законы. Широко применяемая смертная казнь осложнялась колесованием, обрубанием членов и другими мучениями. Бывали еще и сожжения. Внимательно вникая несколько лет подряд во все подробности этих средневековых ужасов, Вольтер проникся к ним величайшей ненавистью. Когда в 1764 году вышло произведение Беккариа «О преступлениях и наказаниях», защитник Каласов радостно приветствовал такого сильного союзника. Он написал свое первое сочинение против казни Ла Барра в форме послания к Беккариа, а позднее составил комментарии на его знаменитое произведение.

В 1774 году Вольтеру снова представился необыкновенный случай проявить то же усердие, которое он имел счастье выказать в роковых случаях с семействами Каласов и Сирвендов. Он узнал, что в войсках короля прусского служит молодой дворянин, отличающийся большой скромностью и на редкость хорошим поведением. Этот молодой человек служил простым волонтером. И вот этот волонтер оказался тем самым соучастником де Ла Барра, который спасся побегом от неминуемой казни.

Кстати сказать, те богохульные стихи, которые привели их к казни, были написаны Пиром, которого король Людовик XV счел столь простительными, что узнав о бедственном положении поэта наградил его пенсией. Таким образом тот, кто написал неприличные стихи был вознагражден, а те, которые читали их, были присуждены судом к самой ужасной казни. Если обычно до того наказывали писателей, издателей и продавцов неугодных властям произведений, то в этом кара настигла читателей. Трое аббельских судей вели этот странный, нелепый, неправосудный процесс, из них двое не имели никакого права участвовать в этом судопроизводстве. Один из них не отвечал требованиям непредвзятости судьи, так как был заклятым врагом родителей подсудимого. Второй состоял сам под судом и был лишен права исполнять судебные должности. Кавалер де Ла Барр был предан жестокой экстраординарной казни на удивление всей Европе, которая содрогнулась от ужаса. Друг его был осужден заочно, ибо успех уехать из страны.

Этот приговор был более нелепым и безрассудным, чем даже осуждение Каласов. В этом деле судьи могли быть в заблуждении, а во втором ошибки не было, а только жестокое варварство и грубейшее беззаконие.

Вольтеру стало известно, что французский волонтер в прусской армии и есть тот самый друг несчастного де Ла Барра и написал об этом королю-философу и другу. Фридрих Великий призвал волонтера к себе и узнал о нем много хорошего, произвел его в офицерский чин, дал ему отряд, сделал его военным инженером и назначил пенсию. Таким образом, гуманист-правозащитник и король-философ исправили благодеяниями преступление, содеянное жестокостью и беззаконием.

Большим успехом увенчалось его соучастие в несправедливом деле, затеянном против графа Лалли. Его обвинили в том, что он не обеспечил защиту Индии от поползновения англичан, за что был заключен в тюрьму. Обвиняемый был лишен возможности самозащиты, а общественное мнение требовало жертвы. Поэтому процесс обвинения сопровождался всякого рода беззакониями, противоречивыми и сбивчивыми показаниями и т.д. На их основе обвинительный приговор в отвлеченных злоупотреблениях властью, лихоимстве и притеснениях был предпринят. Попытки Вольтера были безуспешны и его призывы к благоразумию и человеколюбию ни к чему не привели. Дело завершилось казнью графа Лалли. Сын казненного продолжил

благородные начинания Вольтера и хотя бы посмертно реабилитировать отца и восстановить доброе имя графа Лалли – и эта последняя попытка правозащитника увенчалась триумфом, венчающим его жизнь.

«Я сделал немножко добра, это – лучшее из моих произведений», вот скромные и справедливые слова, которые имел право сказать о себе Вольтер под конец своей жизни, и которые были весьма уместны на его памятнике.

Но он перед смертью собственноручно написал: «Умираю, преклоняясь перед Богом, любя своих друзей, без ненависти к врагам и кляня суеверие» [10, с. 91].

«Двадцать лет был он защитником, то красноречивым и рассудительным, то остроумным и страстным, но всегда одинаково убедительным и всегда неутомимым защитником всех жертв нелепого и варварского законодательства. Что бы о нем ни говорили, какая бы не подыскивалась причина, – благородные или нет, – побудившие его взяться за защиту Каласа, Сирвена и многих других несчастных, во всяком случае нельзя отрицать и того, что судьи, на которых он нападал, с удовольствием колесовали бы тех, кого Вольтер спас, за кого он отомстил... Есть случаи, когда услуга, оказанная человеком, так велика, что всех, кто отказывает ему в похвалах или торгуется за эти похвалы, можно заранее признать неправыми».

В философской повести «Задиг или Судьба» Вольтер приводит мысль Зороастра, которую, видимо, разделяет: «Случай делать зло представляется сто раз в день, а случаи делать добро – лишь однажды в год».

По поводу права и правосудия Вольтер писал: «Лучше рискнуть оправдать виновного, чем осудить невиновного. Он считал, что законы созданы не только для того, чтобы устрашать граждан, но также и для того, чтобы помогать им...»

На гробнице Вольтера в Пантеоне сделана такая надпись: «Поэт, историк, философ, он возвеличил человеческий разум и научил его быть свободным. Он защищал Каласа, Сирвена, де Ла Барра и Монбальи. Он опровергал атеистов и фанатиков. Он проповедовал терпимость. Он восстанавливал права человека против рабства феодализма». Кондорсе, сам один из крупных философов XVIII века, а впоследствии видный деятель революции, так определял значение Вольтера в своей биографии последнего: русская императрица, короли прусский, датский и шведский старались заслужить похвалу Вольтера: во всех странах вельможи, министры, стремившиеся к славе, искали расположения фернейского философа и поверяли ему свои надежды на успехи разума, свои планы относительно распространения просвещения и уничтожения фанатизма. Он основал во всей Европе союз, душой которого был сам. Девиз этого союза гласил: разум и терпимость» [9, с. 165].

Чезаре Беккариа барон Больсано – в своей замечательной книге яростно выступал против пыток, истязаний и неправосудных решений светских судов, особенно широко применявшихся к «вольнодумцам» и «еретикам» с точки зрения главенствующей в то время церкви.

Невежественный фанатизм и лишенная всякого научного основания юриспруденция самых темных времен, возродившаяся в Парижском и провинциальных судах, являлись тем более жестоким и невыносимым фактом, что такие гуманисты и просветители как Вольтер, Дидро, Даламбер, Беккариа и другие яростно выступали против такой практики. Морелли незамедлительно перевел трактат Беккариа «О преступлениях и наказаниях» на французский, так своевременно осветивший преступления светской и духовной власти, объединившихся в своей жестокости и бесчеловечности не только в Тулузе и Аббевиле, но и во всей Европе.

Стоит заметить, что книга Ч. Беккариа была предусмотрительно издана под псевдонимом и пока религиозные фанатики и ищeyки инквизиции выясняли авторство, он сумел укрыться в безопасном месте. Книга была демонстративно предана сожжению на костре, только частично удовлетворив жажду мщения инквизиции ко всякому инакомыслию, тем более просвещенному. Молодой автор без сомнения попал бы на костер, ибо безгранично лицемерный «судья» не мог допустить пролития человеческой крови.

В то же время трактат Беккариа отрезвил многих, не окаменевших сердцами. В большинстве Европейских стран книгу тут же перевели на национальные языки и издали, и переиздали.

Екатерина II сгоряча намеревалась запретить в России пытки, истязания и прочие шпицрутены, а также облегчить положение каторжников и острожников, но затем вовремя отступилась.

Екатерина II под влиянием Вольтера тоже стала диссиденткой и инакомыслящей, что следует из того, как она ужаснулась, узнав о казни де ла Барра: «Наша законодательная работа идет своим чередом: законы вырабатываются потихоньку».

В этом же письме она завралась зачем-то о том, что крестьяне в России каждый день едят курицу, а некоторые даже переходят на индюшатину).

Но есть и продолжение темы законодательства. «Вырабатываемые законоположения отличаются терпимостью; никого они не будут ни преследовать, ни убивать, ни стегать. Да сохранит нас Бог от истории, подобной истории де ла Барра; судей, которые осмелились бы совершить подобную процедуру, у нас заключили бы в сумасшедший дом.»

В очередном письме к правозащитнику она полностью солидаризуется с Вольтером. «Что касается Каласов и Сирвенон, то всем они обязаны всецело вам. Уделить немножко из того, что имеется в великом изобилии, ровно ничего не значит; но быть ходатаем рода человеческого, защитником угнетенной невинности, – это значит приобрести себе право на бессмертие. Эти два дела вызывают к вам также чувство благоговейного уважения, с которым только и можно относиться к подобным чудесам. В боролись с целой армией врагов человеческих: с суеверием, фанатизмом, невежеством, ябедой, бессовестными судьями и могущественною властью, находящеюся в руках той или иной партии. Чтобы побороть все эти препятствия, нужно не мало добродетелей и душевных качеств. Вы доказали, что они вам присущи, и поэтому вы победили» [2, с. 11–12].

Кроме этих широко освещенных правозащитных акций Вольтера имеются менее известные, но не менее важные события, в которых проявилась его гуманистическая натура.

Тем не менее, хотя бы на словах, Екатерина II под влиянием Вольтера тоже стала «диссиденткой» и «инакомыслящей», что следует из того, как она ужаснулась, узнав о казни де ла Барра: «Наша законодательная работа идет своим чередом: законы вырабатываются потихоньку».

В этом же письме она присочинила зачем-то о том, что крестьяне в России каждый день едят курицу, а некоторые даже переходят на индюшатину).

Но есть и продолжение темы законодательства. «Вырабатываемые законоположения отличаются терпимостью; никого они не будут ни преследовать, ни убивать, ни стегать. Да сохранит нас Бог от истории, подобной истории де ла Барра; судей, которые осмелились бы совершить подобную процедуру, у нас заключили бы в сумасшедший дом» [2, с. 34–35].

В очередном письме к правозащитнику она полностью солидаризуется с Вольтером. «Что касается Каласов и Сирвенон, то всем они обязаны всецело вам. Уделить немножко из того,

что имеется в великом изобилии, ровно ничего не значит; но быть ходатаем рода человеческого, защитником угнетенной невинности, – это значит приобрести себе право на бессмертие. Эти два дела вызывают к вам также чувство благоговейного уважения, с которым только и можно относиться к подобным чудесам. В боролись с целой армией врагов человеческих: с суеверием, фанатизмом, невежеством, ябедой, бессовестными судьями и могущественною властью, находящеюся в руках той или иной партии. Чтобы побороть все эти препятствия, нужно не мало добродетелей и душевных качеств. Вы доказали, что они вам присущи, и поэтому вы победили» [2, с. 11–12]. надо отдать должное российской Императрице: она умела отличать истинную ценность человеческих поступков.

Таким образом, своей правозащитной деятельностью Вольтер стал первым гуманистом просвещенной Европы, на деле доказавший ставшую в наши дни аксиому: правозащитниками люди не становятся, они рождаются таковыми, ибо это не должность и не звание. К этой деятельности человека влечет его доброе и сострадательное сердце, тревога и боль за угнетенную личность, неизбывное стремление к справедливости и правосудию, счастье и благополучие каждого человека, живущего на земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахелис Т. *Современное народоведение*. СПб., **1900**.
2. *Вольтер и Екатерина II – переписка*. СПб.: Изд. Чуйко, **1882**.
3. Вольтер. *По Коллини, Ваньеру, Штроусу и др.* СПб., **1899**.
4. Вольтер. *Философские тракты и диалоги*. М., **2005**.
5. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона в 86-ти томах*. М.: Терра, **2001**. Т. 13. 480 с.
6. Дидро Д. *Собрание сочинений*. М.: Academia, **1937**. Т. VIII.
7. Елисеева О. *Екатерина II*. М., **2005**.
8. Засулич В. *Вольтер. Его жизнь и литературная деятельность. Сборник статей*. М.: Библиотеки для всех Рутенберга, **1907**. Т. I.
9. Кареев Н. *История западной Европы в Новое время*. СПб., **1893**. Т. III.
10. Каррьера М. *Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества*. М., **1875**. Т. V.
11. *Мир божий*. **1905**. №6.
12. Морлей Д. *Вольтер*. М., **1889**.
13. Шахова А. *Вольтер и его время. Лекции и истории французской литературы в МГУ*. СПб., **1907**.

Поступила в редакцию 05.05.2015 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2015.3.1

Voltaire – the first human rights advocate of Europe

© M. M. Utyashev

*Bashkir State University**32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.**Email: marat_ut@rambler.ru*

The article deals with a unique even within the age of European Enlightenment humanist essence and human rights activity of the great French philosopher, writer, poet Francois Marie Arouet Voltaire. The author focuses his attention on a new aspect of the well-known thinker – the unselfish and persistent protection of victims of religious intolerance, obscurantism, judicial tyranny. According to the author, Voltaire's advocacy was the result of his political and legal socialization. This idea is supported by the facts of Voltaire's earlier life: the assistance to the villagers of Ferney, the intercession for the serfs from the oppression of the clergy, the humanist's poems against tyranny and religious intolerance, against any violence and cruelty. Voltaire's valuable judgments of natural law, legitimacy, justice and dignity of a person convincingly support the author's hypothesis.

Keywords: *humanism, Voltaire, faith tolerance, justice, right, freedom, human rights, freedom of consciousness, obscurantism, religious intolerance, natural law, Kalas, La Barr, Baccaria.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Utyashev M. M. Voltaire – the first human rights advocate of Europe // *Liberal Arts in Russia*. 2015. Vol. 4. No. 3. Pp. 169–186.

REFERENCES

1. Akhelis T. *Sovremennoe narodovedenie [Modern ethnology]*. Saint Petersburg, **1900**.
2. *Voltaire i Ekaterina II – perepiska [Voltaire and Catherine II – correspondence]*. Saint Petersburg: Izd. Chuiko, **1882**.
3. Voltaire. *Po Kollini, Van'eru, Shtrousu i dr. [On Kolleeny, Wagner, Straws, etc.]* Saint Petersburg, **1899**.
4. Voltaire. *Filosofskie trakty i dialogi [Philosophical tracts and dialogues]*. Moscow, **2005**.
5. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona v 86-ti tomakh [Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron in 86 volumes]*. Moscow: Terra, **2001**. Vol. 13.
6. Didro D. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Moscow: Academia, **1937**. T. VIII.
7. Eliseeva O. *Ekaterina II [Catherine II]*. Moscow, **2005**.
8. Zasulich V. *Voltaire. Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'. Sbornik statei [Voltaire. His life and literary activity. Collection of articles]*. Moscow: Biblioteki dlya vseh Rutenberga, **1907**. T. I.
9. Kareev N. *Istoriya zapadnoi Evropy v Novoe vremya [The history of Western Europe in modern times]*. Saint Petersburg, **1893**. T. III.
10. Karr'era M. *Iskusstvo v svyazi s obshchim razvitiem kul'tury i idealy chelovechestva [The art in connection with the general development of culture and the ideals of humanity]*. Moscow, **1875**. T. V.
11. *Mir bozhii*. **1905**. No. 6.
12. Morlei D. *Voltaire*. Moscow, **1889**.
13. Shakhova A. *Voltaire i ego vremya. Lektsii i istorii frantsuzskoi literatury v MGU [Voltaire and his times. Lectures on history of French literature at MSU]*. Saint Petersburg, **1907**.

Received 05.05.2015.